

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1899



КУРБАНЪ-БАЙРАМЪ.

(Изъ записокъ маленькаго администратора).



ОСПОДИНЪ капитанъ, завтра Курбанъ-Байрамъ?— какъ-то вопросительно сказалъ мнѣ переводчикъ Шихъ-Мурадъ въ одинъ изъ теплыхъ, весеннихъ вечеревъ 189* года, когда, окончивъ опросъ просителей, я собирался отпустить его домой.

Еще не было года, какъ я принялъ Атекское приставство Закаспійской области и хотя, конечно зналъ, что Курбанъ-Байрамъ самый большой изъ магометанскихъ праздниковъ, но былъ весьма удивленъ такимъ напоминаніемъ моего переводчика, а потому

спросилъ въ свою очередь.

- Ну, такъ что же? Мнѣ-то что?..
- Развѣ не пойдешь поздравлять старшинъ?
- Н—да... Поздравлять?

Въ недоумѣніи развелъ я руками, не зная итти или не итти, принято это или нѣтъ.

Станція Каахка Закаспійской желѣзной дороги, гдѣ я жилъ, представляетъ мѣстечко съ небольшимъ числомъ русскихъ и съ базаромъ приблизительно въ 80 лавокъ. Соприкасаясь съ этимъ послѣднимъ, расположенъ ауль того же имени, какъ и мѣстечко. Ауль считается самымъ большимъ въ приставствѣ и состоитъ безъ малаго изъ тысячи домовъ. На базарѣ торгуютъ армяне, татары и персидскіе евреи, такъ называемые джедиды. Всѣ они имѣютъ своихъ

старшинъ. Ауль населенъ туркменами племени Али-Эли и дѣлится на двѣ самостоятельныя, враждебныя другъ другу, половины, со всей туземной администраціей въ каждой: на отдѣленіе Онъ-Беги и на отдѣленіе Юзъ-Баши.

Слѣдовательно мнѣ предстояло сдѣлать визиты тремъ старшинамъ: на базарѣ татарскому, да двумъ въ аулѣ. Джедиды, считающіеся въ Персіи официально мусульманами, здѣсь подѣ покровительствомъ русскихъ открыто исповѣдывали іудейство, а слѣдовательно ихъ старшину считать было нечего. Кромѣ старшинъ, надо было, конечно, посѣтить, во-первыхъ, моего помощника туркмена, во-вторыхъ, всѣхъ чиновъ аульной администраціи: аульныхъ судей, мирабовъ (надсмотрщики за водой), аульныхъ кавіевъ (высшее духовно-юридическое лицо), а также и болѣе почтенныхъ стариковъ. Зная же радушіе и гостепрѣимство туркменъ, я заранѣе былъ увѣренъ, что вся эта процедура займетъ у меня цѣлый день и оторветъ отъ спѣшной работы. Послѣднее соображеніе еще больше увеличило мое колебаніе, но слѣдующія слова Шихъ-Мурада сразу ихъ разрѣшили.

— Господинъ капитанъ, всѣ пристава ходятъ поздравлять,—завидь онъ и, усмѣхнувшись, добавилъ:—адатъ (обычай) такой!..

— Если адатъ, такъ я...

Но переводчикъ перебилъ меня и для полной убѣдительности прибавилъ:

— Вы хотѣли, господинъ капитанъ, плащъ Магомета посмотрѣть, онъ только разъ въ году, завтра, показывается...

— А! Въ такомъ случаѣ, конечно, идемъ... окончательно рѣшилъ я и, отдавъ на этотъ счетъ соотвѣтственныя приказанія, отпустилъ Шихъ-Мурада и занялся бумагами.

Давно я слышалъ и отъ всезнающаго старика переводчика, здѣшняго старожила, и отъ самихъ туркменъ, что у одного изъ жителей отдѣленія Юзъ-Баши, Джафара-Хаджа-Измаилъ-Оглы, сохраняется плащъ Магомета, служащій предметомъ поклоненія якобы для всѣхъ туркменъ области. Присутствіе такой магометанской святыни въ незначительномъ туркменскомъ аулѣ, конечно, могло показаться весьма страннымъ, но мнѣ все-таки хотѣлось посмотрѣть на нее и главное хотѣлось увидѣть самому, какимъ почтеніемъ она пользуется среди туземцевъ. Джафара-Хаджа я зналъ за одного изъ самыхъ правдивыхъ и честныхъ туркменъ; былъ увѣренъ, что онъ самъ-то нисколько не сомнѣвался въ исторической правдѣ принадлежащей ему вещи; видѣлъ такъ же, что и всѣ старики отдѣленія Юзъ-Баши относятся къ этому плащу, даже въ разговорѣ, съ полнымъ благоговѣніемъ, но мнѣ хотѣлось провѣрить, пользуется ли онъ такимъ же почтеніемъ среди другихъ туземцевъ, и вѣрять ли они въ его подлинность.

Въ свѣжее, ясное апрѣльское утро слѣдующаго дня я, въ сопро-

вожденіи Шихъ-Мурада, мирзы ¹⁾ Ата-Мурада и всѣхъ пяти джигитовъ, одѣтыхъ въ праздничные халаты, вышелъ изъ дома и пошелъ на базаръ по широкой улицѣ, окаймленной садами съ массой фруктовыхъ деревьевъ, въ полномъ цвѣту.

Первый визитъ надо было сдѣлать, конечно, моему помощнику Эвезъ-Кули-Сардару, сугуловатому, крѣпкому и здоровому для своихъ, 80 лѣтъ, старику съ длинной, крашенной бородой. Когда-то онъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ сардаровъ ²⁾ Туркменіи, считался однимъ изъ главныхъ защитниковъ Геокъ-Тепе, по взятіи котораго, въ числѣ прочихъ предводителей, былъ отправленъ въ Петербургъ для принесенія вѣрноподданничества; имѣя чинъ юнкера милиціи, жалованные царскіе часы и клынчъ ³⁾, нѣсколько медалей «за усердіе» и, занимая мѣсто помощника пристава ⁴⁾, онъ теперь самый преданный и вѣрный слуга Россіи.

Всѣ эти милости Акъ-Падышаха ⁵⁾, постоянное общеніе съ русскими, жизнь между ними не сдѣлали его чище, цивилизованнѣе, и онъ, несмотря на то, что занимаетъ наивысшее мѣсто, котораго можетъ достигнуть туркменъ,—живетъ такъ же первобытно и грязно, какъ жилъ туркманчалыкъ воктында ⁶⁾, отказываясь въ своемъ упорномъ консерватизмѣ отъ какихъ бы то ни было нововведеній и улучшеній въ своемъ быту. Весьма интересенъ отвѣтъ, если спросить, какъ онъ получилъ высочайше пожалованный клынчъ:

— Когда я былъ въ Россіи, то подарилъ Акъ-Падышаху свой клынчъ, а онъ мнѣ взамѣнъ свой,—отвѣтитъ наивный дикарь, который, однако, никогда не расстаётся ни съ этой саблей, ни съ жалованными часами, которыхъ онъ никогда не заводитъ, ибо время смотрѣть по нимъ не умѣетъ.

Весь царствующій домъ знаетъ прекрасно, и когда ему показали портретъ благополучно нынѣ царствующаго государя императора, то онъ сейчасъ же узналъ и заявилъ, что видѣлъ его совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. (Посольство отъ туркменъ съ выраженіемъ вѣрноподданничества, если не ошибаюсь, было послано въ Петербургъ въ 1883 или 1884 годахъ). Изъ всего своего путешествія по Россіи онъ запомнилъ только двѣ вещи, которыя болѣе всего его поразили:

¹⁾ Мирза, если стоитъ передъ именемъ, означаетъ грамотнаго человѣка, писаря. Послѣ имени показываетъ происхожденіе человѣка изъ царскаго рода. При каждомъ управленіи пристава полагается туркменскій писарь, мирза.

²⁾ Сардаръ въ подлинномъ переводѣ—проводникъ. Такъ назывались раньше у туркменъ предводители шаекъ, знаменитые разбойники.

³⁾ Клынчъ кривая, турецкая сабля.

⁴⁾ По штату въ области при каждомъ приставствѣ полагается помощникъ пристава изъ «мѣстныхъ хановъ».

⁵⁾ Акъ-Падышахъ Бѣлый царь; такъ на всемъ востокѣ именуютъ государя императора.

⁶⁾ Туркманчалыкъ воктында во времена Туркменіи, т. е. до завоеванія области русскими.

«городъ на водѣ» (Кронштадтъ) и «большой домъ, гдѣ въ трубки дуютъ и дѣлаютъ бутылки (стеклянный заводъ). Давно одно обстоятельство смущаетъ и огорчаетъ старика: отчего не позволяютъ носить темно-бронзовую медаль, полученную на московской всероссійской выставкѣ за выставленные сельскіе экспонаты.

— Зачѣмъ же дадутъ медаль, если ее нельзя надѣть и нужно держать въ сундукѣ?—сокрушительно покачиваетъ онъ головой въ высокой, тяжелой барашковой папахѣ, задумчиво поглаживая длинную бороду, закрученную на концѣ въ двѣ длинныхъ стрѣлки.

Зайдя на обширный, но грязный, загаженный дворъ съ двумя кибитками и саклей (у старика было три жены, и для каждой изъ нихъ полагалось особое помѣщеніе), я засталъ своего помощника въ полномъ парадѣ, въ новомъ халатѣ, со всѣми медалями, занятаго приготовленіемъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ шорвы ¹⁾. Поздравивъ старика съ праздникомъ, поболтавъ съ нимъ и отвѣдавъ изъ вѣжливости невкусной и весьма грязно приготовленной шорвы, я отправился на базаръ.

Его широкая улица съ большой площадью по срединѣ, гдѣ помѣщались вѣсы, съ грязными, длинными караванъ-сараями по сторонамъ, кишѣла народомъ и имѣла праздничный видъ. Навѣсы передъ лавками были украшены флагами; лавки, исключая армянскихъ и татарскихъ чай-хане (харчевня), были закрыты. Празднично разодѣтая толпа татаръ и туркменъ заполняла всю улицу. Красные халаты вторыхъ эффектно смѣшивались съ черными и зелеными чухами и разноцвѣтными черкесскими первыхъ. Изрѣдка въ толпѣ мелькали шелковыя, темно-красныя покрывала и серебряныя мониста туркменокъ, пробирающихся съ кувшинами на плечахъ въ аулъ или изъ аула за водой; двѣ-три бѣлыхъ чалмы муллъ виднѣлись среди цѣлаго моря черныхъ, рыжихъ и бѣлыхъ барашковыхъ папахъ. Тиха и спокойна была эта праздничная толпа; разгула, широкаго веселья, которыми отличается нашъ русскій праздникъ, здѣсь не было и въ поминѣ. Негромкій гулъ многочисленной толпы, изрѣдка взрывъ смѣха, отрывокъ пѣсни, два-три аккорда сааза ²⁾, вотъ и все, чѣмъ выражалось тутъ веселье.

Я шелъ подъ низкимъ навѣсомъ мимо запыленныхъ, грязныхъ лавокъ, среди разступающейся толпы, поздравляя ихъ съ праздникомъ; а свади, какъ эхо, слышался густой басъ Шихъ-Мурата, переводящаго мои русскія поздравленія:

— Приставъ ага Курбанъ-Байрамъ мубарекъ олсунъ (господинъ приставъ поздравляетъ съ праздникомъ).—И довольная, видимо польщенная, толпа хоромъ благодарила.

¹⁾ Шорва—бараній супъ, въ который мелко крошится баранина, хлѣбъ и лукъ. Образовавшуюся отъ этого густую тюрю ѣдятъ руками.

²⁾ Саазъ—родъ мандолины, струнный инструментъ туркменъ.

- Чакъ савалъ (очень благодаренъ).
- Савалъ! (благодарю).
- Савалъ, приставъ-ага (благодарю, господинъ приставъ).

Около широкихъ и высокихъ воротъ средняго караванъ-сарая меня встрѣтили празднично одѣтые татарскій старшина и татаринъ же старшій полицейскій.

— Чакъ савалъ, чакъ савалъ, приставъ—ага! — складывая руки подъ грудью и низко кланаясь, отвѣтили они оба на мои поздравленія, а высокий, худой старшина Али-Бекъ-Хаджи-Бековъ прибавилъ порусски своимъ мягкимъ, гортаннымъ говоромъ: «Господинъ капитанъ, зайди, пожалуйста, въ гости».

Я поблагодарилъ и по узенькой, сдѣланной въ стѣнѣ, лѣсенкѣ поднялся въ мезонинъ надъ воротами. Въ маленькой комнатѣ съ дрожащимъ поломъ, который составлялъ крышу воротъ, стояла широкая деревянная кровать, накрытая дорогимъ персидскимъ ковромъ, небольшой деревянный столъ и вѣнскій стулъ; полъ былъ покрытъ циновками, а поверхъ узорной, красивой кошкой. За мной поднялись самъ старшина, полицейскій Талибъ, нѣсколько болѣе почтенныхъ торговцевъ татаръ и, конечно, мой переводчикъ. Мирза и джигиты, какъ суниты, не зашли въ гости въ такой большой праздникъ къ татарину шииту и остались внизу. Угощеніе здѣсь ограничилось чаемъ, русскими и персидскими сладостями, да, удовлетворяя настойчивымъ просьбамъ хозяина, я долженъ былъ выпить двѣ бутылки лимонаду.

Сползши, послѣ окончанія визита, кое-какъ по крутой лѣсенкѣ, положительно висящей въ воздухѣ, я быстро прошелъ остальную часть базара и очутился въ его концѣ, среди красивыхъ, изящныхъ, медлительно-важныхъ джедидовъ. Они сидѣли отдѣльной кучкой передъ средней лавкой своего ряда хмурые и видимо недовольные вынужденнымъ прекращеніемъ торговли,— лавки ихъ всѣ были заперты,— и этимъ праздникомъ, и тихо переговаривались на картинно-красивомъ персидскомъ языкѣ.

Джедиды, персидскіе евреи, почти ничего не имѣютъ общаго ни въ наружности, ни въ характерѣ съ своими европейскими сородичами. Одѣваясь въ длинные, темныхъ цвѣтовъ халаты, маленькія барашковыя папахи и сафьяновыя туфли, они изящно-красивыми, матово-блѣдными, немного смуглыми лицами ничѣмъ не отличаются отъ чистокровныхъ персовъ, или, какъ ихъ называютъ на востокѣ и какъ они сами себя зовутъ, фарсовъ. Тѣ же медлительно-изящныя, полныя восточной важности манеры, тихій фарсидскій говоръ, лукавый, трусливый, склонный къ торговлѣ характеръ, униженное подобострастіе и льстивость передъ властью имущими, что и у фарсовъ, составляютъ принадлежность и джедидовъ. Только привычный и наметавшійся глазъ по нѣкоторымъ чертамъ лица, а въ характерѣ по особой пронырливости и изворотливости, отличить еврея отъ природнаго фарса.

Поздоровавшись, проходя мимо, съ ихъ красивымъ, высокаго роста старшиной Измаиломъ, я шутя поздравилъ его:

— Курбанъ-Байрамъ мубарекъ алсунъ, Измаилъ-ага!

Онъ тихо разсмѣялся и причмокнувъ отрицательно покачалъ головою.

— Знаю тебя,—продолжалъ я шутить:—не хочешь пристава угостить, потому и праздника у тебя нѣтъ.

— Э, хайръ! (нѣтъ)—сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ, обидѣлся Измаилъ:—міаедъ! бефермоидъ! (войдите, прошу!)—указалъ онъ рукой на лавку, отдавая приказанія мальчику-приказчику.

Я смѣясь отмахнулся и хотѣлъ пройти мимо, но старшина догналъ меня и почтительно остановилъ за рукавъ.

— Нѣтъ, господинъ, не обижай меня! Зайди и ко мнѣ... у всѣхъ старшинъ былъ, а у меня не хочешь...

Я сталъ было отпѣкиваться, увѣрять, что у меня времени мало, что праздника же у него нѣтъ, но замѣтивъ, что Измаилъ и въ самомъ дѣлѣ готовъ обидѣться, принужденъ былъ согласиться и повернуть назадъ. Покончивши кое-какъ съ этимъ непредвидѣннымъ визитомъ, я направился прямо въ аулъ, но былъ остановленъ полицейскимъ Талибомъ, усиленно просящимъ зайти къ нему. Дѣлать было нечего! Не хотѣлось и его обидѣть, и только послѣ этого посѣщенія попалъ я въ узенькую, грязную улицу аула и пробирался со всѣмъ своимъ эскортомъ вдоль глинобитныхъ, однообразныхъ безконечныхъ заборовъ съ маленькими дверцами невидимыхъ за ними сакель. И тутъ было замѣтно праздничное оживленіе. Группы молодежи со смѣхомъ и шутками сновали вдоль улочки и скрывались въ многочисленныхъ переулкахъ, выходящихъ на нее. Среди пѣшей толпы важно разѣзжали нѣсколько человекъ верхомъ на породистыхъ, красивыхъ коняхъ, убранныхъ широкими ошейниками и уздечками съ наборнымъ серебромъ. Старики собрались у сакель, важно и степенно разговаривали, сидя на корточкахъ въ тѣни стѣны. Вслѣдъ за моимъ старшимъ джигитомъ, побѣжавшимъ впередъ предупредить старшину Онъ-Беги, я вошелъ въ широкія ворота грязнаго двора. Послѣ недлиннаго прохода, дворъ круто поворачивалъ въ сторону, и внутренность его скрывалась за высокимъ заборомъ съ дверцей по серединѣ. Изъ нея мнѣ на встрѣчу выскочилъ средняго роста, приземистый, съ рѣдкой сѣдой бородой, съ презрительно усталымъ выраженіемъ лица, самъ старшина Аба-Онъ-Беги-Дервишъ-Онъ-Беги-Оглы, порывисто накидывая на плечи золотой парчи жалованный халатъ. По его указанію я наклонившись пролѣзъ въ дверцу забора и очутился на чистомъ дворикѣ съ небольшою саклей у противоположной стѣны. Сакля эта состояла изъ двухъ комнатъ, одна изъ которыхъ, не имѣя одной стѣны, представляла родъ веранды. Такое помѣщеніе, предназначаемое для приѣма гостей, называется мехманъ-хане. На дворѣ и верандѣ были уже разо-

стланы ковры, на которыхъ помѣщались всѣ старики этого отдѣленія въ праздничныхъ, новыхъ халатахъ. Когда послѣ поздравленій и неизбѣжныхъ церемоніальныхъ вопросовъ о здоровьѣ я усѣлся на верандѣ на почетномъ мѣстѣ, а гости, строго соблюдая старшинство лѣтъ и почета, разсѣлись кругомъ,—былъ поданъ неизбѣжный чай, съ котораго у туркмена начинается каждое угощеніе. Зная, что дальше послѣдуетъ пловъ, и что за ѣдой у туркменъ разговаривать не принято, я захотѣлъ разспросить присутствующаго здѣсь же казія Мулла Джафара объ интересующемъ меня вопросѣ: о плащѣ Магомета. Здѣсь я не могу не сдѣлать небольшого отступленія и не сказать нѣсколько словъ о магометанскихъ муллахъ.

Всѣ они, за немногими исключеніями, въ наружности, въ обращеніи, въ характерѣ, имѣютъ много общаго съ отцами іезуитами. Тѣ же долу опущенные взоры, молитвенно-постныя выраженія лисьихъ фізіономій, скромныя манеры, неслышная походка, вкрадчивая доходящая до шопота, изысканно-ученая рѣчь, то же лукавство, льстивость, ханжество и та же непримиримая ненависть, доходящая до фанатизма, ко всѣмъ тѣмъ, кто... не католики, конечно, нѣтъ!.. но кто не правовѣрные мусульмане. Къ довершенію сходства и главный принципъ ихъ жизни: цѣль оправдываетъ средства,—одинаковъ съ таковымъ учениковъ и послѣдователей Игнатія Лойолы. Замѣчательная вещь: чѣмъ болѣе образованъ мулла, въ магометанскомъ смыслѣ слова, конечно, тѣмъ іезуитскія черты въ немъ сильнѣе развиты, болѣе рельефны. Такимъ типичнымъ представителемъ магометанскаго духовенства являлся сидящій по правую сторону отъ меня Мулла Джафаръ-Мулла-Султанъ-Сеидъ-Оглы, къ которому я и обратился съ вопросомъ:

— Мулла, ты слышалъ о плащѣ Магомета, который хранится у Джафаръ-Ходжа?

— Слышалъ, господинъ,—да продлить Всемилостивѣйшій Богъ твою жизнь!—почти шепотомъ отвѣтилъ казіи, тихо поглаживая бороду и потупляя глаза въ землю.

Вопросъ мой сразу привлекъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Старики насторожились и придвинулись ближе.

— Ты какъ думаешь на этотъ счетъ?—продолжалъ я.

— Что это, господинъ?—якобы не понимая, прошепталъ мулла.

— Я спрашиваю, какъ ты думаешь: настоящій это плащъ или нѣтъ?

— Не знаю, господинъ!—совершенно невинно отвѣтилъ казіи.

— Однако! Какъ же не знаешь?!... Вѣдь ты казіи, учился, читалъ... Наконецъ вѣдь это рядомъ тутъ же,—какъ же ты не справился, не узналъ?..

— Откуда же мнѣ знать, господинъ?—отвиливалъ отъ прямого отвѣта хитрый мулла, но я продолжалъ настаивать на своемъ, желая добиться положительнаго отвѣта.

— Вѣдь въ книгахъ же у васъ написано объ этомъ что нибудь?.. Вѣдь самъ же Джафаръ-Ходжа не выдумалъ это...

— Зачѣмъ выдумывать?—даже какъ будто обидѣлся мой собесѣдникъ:—Джафаръ-Ходжа хорошій человѣкъ, правдивый, честный; Ходжа—онъ!.. Онъ не будетъ врать...

— Такъ, значитъ, ты думаешь, что это настоящій плащъ?

— Не знаю, милостивый господинъ!—вильнулъ опять мулла, но наконецъ видимо не выдержалъ, немного одушевившись.—Конечно, Джафаръ-Ходжа не совретъ, а только въ книгахъ у насъ ничего о плащѣ не говорится..

— Значитъ, плащъ не настоящій?

— Не знаю, господинъ!—съ сожалѣніемъ, что не можетъ удовлетворить моему любопытству, вздохнулъ мулла.

Видя, что толку отъ него не добьешься, и понявъ, что, не желая, съ одной стороны, обижать подозрѣніями вліятельнаго Джафаръ-Ходжа, а, съ другой стороны, не будучи въ состояніи признаться, въ присутствіи своихъ родственниковъ, что у ихъ враговъ хранится такая святыня, политичный мулла никогда мнѣ правды не скажетъ,—я хотѣлъ обратиться съ тѣми же вопросами къ кому либо изъ остальныхъ стариковъ, но, оглядѣвшись, замѣтилъ, что всѣ они видимо недовольны моими настойчивыми разспросами. Нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ началѣ разговора, узнавъ, чего я добиваюсь, отвернулись и дѣлали видъ, что не слушаютъ, другіе, недовольно потупившись, сидѣли, хмуро сдвинувъ брови, третьи наконецъ весьма скептически и саркастически улыбались на мои разспросы.

«Видимо, они вполне сочувствуютъ казію: не вѣрятъ въ подлинность реликвіи, но не захотятъ прямо объявить объ этомъ—думалъ я,—впрочемъ такое недовѣріе, можетъ быть, является просто слѣдствіемъ вражды и зависти къ отдѣленію Юзъ-Баши».

Рѣшивъ разузнать обо всемъ этомъ другимъ способомъ, я перемѣнилъ разговоръ и коснулся того вопроса, который тоже меня занималъ:

— Отчего существуетъ видимо какая-то вражда между коахинцами и моимъ помощникомъ Эвезъ-Кули-Сардаромъ?

Оживившіяся было лица собесѣдниковъ опять нахмурились. Молодежь, сидящая отдѣльно, сконфуженно разсмѣялась, а старики потупились и замолчали. Я повторилъ вопросъ, и опять пасмурное молчаніе было мнѣ отвѣтомъ. Мнѣ на помощь пришелъ всезнающій Шихъ-Мурадъ. Усмѣхнувшись и поправивъ очки, онъ сказалъ по-русски.

— Онъ вѣдь ихъ ограбилъ дочиста, господинъ капитанъ!...

— Кто? Эвезъ-Кули-Сардаръ?..—неволью вскрикнулъ я.

— Онъ!—кивнулъ головой переводчикъ.—Когда изъ Хивы они шли...

Когда я потуркменски спросилъ стариковъ, правда ли, что мнѣ сказалъ Шихъ-Мурадъ, то одинъ изъ нихъ—лѣсной сторожъ, первый въ приставствѣ охотникъ, Муррюкъ, старый, почтенный и умный туркмень, не слѣша разсказалъ происшествіе, которому и онъ и всѣ присутствующіе,—тогда еще молодые люди,—были очевидцами и даже участниками.

— Когда, господинъ, Ярымъ-Падышахъ¹⁾ взялъ Харезмъ (Хива, въ 1873 г.), забралъ у насъ аманатовъ и увелъ въ Ташкентъ...

— Развѣ и отъ васъ были взяты аманаты?—перебилъ я разсказчика.—Кто же именно?

— Много, капитанъ! Отецъ Ата-Мурада,—кивнулъ Муррюкъ на моего мирзу.—Изъ нашихъ Агали-Кетъ-Худа, отъ отдѣленія Юзъ-Баши...

— Ну, ладно, все равно! Разсказывай дальше...

— Такъ вотъ, какъ узнали мы тогда близко русскихъ да ихъ храбрость, такъ испугались и порѣшили старики,—мы-то тогда молодые всѣ были, разговаривать не смѣли,—чтобы уйти намъ опять сюда въ Пештакъ, гдѣ и раньше мы жили.

— Вышли мы изъ Харезма всѣмъ племенемъ; семействъ больше тысячи было. У насъ старшиной и тогда былъ Аба-Онъ-Беги, а у Юзъ-Баши Сеидъ-Назаръ, братъ Пиръ-Назара, который потомъ подъ Кушкой убитъ былъ (я слышалъ уже раньше, что старшій братъ нынѣшняго старшины отдѣленія Юзъ-Баши, будучи прапорщикомъ туземной милиціи, былъ убитъ въ этомъ бою. Это былъ единственный офицеръ, котораго мы тогда потеряли). Долго мы шли по пескамъ отъ колодца къ колодцу. Много верблюдовъ потеряли; еще больше людей, а дѣтей—не сосчитать!

— Плохо приходилось... Вода плохая, а то и совсѣмъ не бывало; жара, пески... Очень плохое дѣло было!.. Наконецъ, дошли мы до конца песковъ... Еще два, три дня ходу, и въ Пештакѣ будемъ. Передовые наши давно поѣхали туда, чтобы землю и сакли посмотреть, да и съ ханомъ персидскимъ поговорить,—тогда вѣдь это все Дерагѣзу²⁾ принадлежало,—чтобы пустилъ онъ насъ на старое мѣсто, гдѣ дѣды наши еще жили. Отдохнули мы день на колодцахъ Бешъ-Кую (пять колодцевъ), набрали воды въ бурдюки и утромъ рано начали грузить верблюдовъ, какъ глядимъ изъ-за ближайшаго холма выскочило человѣка четыре конныхъ. Мултуки (старое кремневое или фитильное ружье на сошкахъ) за спинами, пики въ рукахъ... По одеждѣ наши же туркмены... Посмотрѣли, посмотрѣли на насъ и ускакали, а тамъ, глядимъ, новые показались. Черезъ нѣсколько

¹⁾ Ярымъ-Падышахъ—поль-царя. Такъ туркмены до сихъ поръ называютъ бывшаго главноначальствующаго на Кавказѣ кн. Дондукова-Корсакова и покойнаго генерала К. П. Кауфмана; здѣсь рѣчь идетъ о послѣднемъ.

²⁾ Дерагѣзу—одно изъ ханствъ Хорасанской провинціи, въ составъ котораго до прихода русскихъ былъ Атекъ, нынѣшнее приставство того же названія.

времени, смотримъ, весь аламанъ ¹⁾ выѣхалъ: человекъ 300—500 п прямо къ намъ ѣдутъ. Посмотрѣли на одежду, посмотрѣли на байдакъ ²⁾,—Эвезъ-Кули-Сардаръ съ своей шайкой. А кто же его тогда не зналъ? Отъ Уллу-дерья (Большое море, Каспійское) до Бухары, отъ Мешеда до Ургенджа, всѣ знали Эвезъ-Кули-Сардара! Почти наравнѣ съ самимъ Екремъ-Сардаромъ ³⁾ стоялъ онъ! Немного такихъ батырей насчитывалось во всей Туркменіи. Человѣка три, четыре—больше и не было!..

— Скачетъ къ намъ Сардаръ, а мы думаемъ, что же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы люди не торговые, идемъ селиться, да къ тому же свой—туркмены, а не персы, не хивинцы... Правда, раньше онъ и насъ грабилъ и многихъ убилъ, многихъ въ плѣнъ забралъ, ну, да тогда мы въ Харезмѣ жили, хану его служили, да потомъ гдѣ ему было разбирать, чьи кибитки—наши или ханскія? Наскочить ночью, ограбить, побьетъ, народъ въ плѣнъ возьметъ и уходитъ скорѣй къ себѣ въ Ахалъ! Тутъ разбирать некогда! Теперь дѣло другое, теперь мы вольные туркмены, на своей землѣ. Не обидитъ же онъ своихъ? Такъ говорили старики, а все-таки къ нему на встрѣчу вышли и хлѣбъ-соль принесли. Обошелся онъ съ ними ласково; слѣзъ съ лошади и угощеніе принялъ, что аксакалы ⁴⁾ предложили. Сидитъ съ ними, чай пьетъ, пловъ ѣстъ и все спрашиваетъ: куда идемъ? Много ли насъ? Есть ли у насъ ружья? Сколько верблюдовъ и лошадей? Смекнули старики, въ чемъ дѣло, и приказали потихоньку собирать со всѣхъ, у кого что есть—деньги, такъ деньги; верблюда лишняго—такъ верблюда, лошадь—такъ лошадь, готовили, значить, пешкешъ (подарокъ, взятка) для него. А аламанъ его тоже слѣзъ съ лошадей съ нами чай пьетъ и закусываетъ, только поводьевъ и мултуковъ изъ рукъ не выпускаетъ, да клынци не снимаетъ. Какъ подѣзжали текинцы, мы было и грузить перестали, а тутъ видимъ—ничего, насъ не трогаютъ, стали дальше собираться. Только какъ все готово было, старики и говорятъ сардару: «Сардаръ-Ага, у насъ все готово, мы дальше пойдемъ». Идите, говорить. А ты, что же?—старики-то спрашиваютъ. Я, говорить, съ вашими верблюдами здѣсь останусь. Какъ съ нашими верблюдами? А мы-то какъ же?

— А вы, говорить, такъ идите! Зачѣмъ вамъ верблюды?—говорить. Безъ нихъ легче! Самъ бороду поглаживаетъ и смѣется. За

¹⁾ Аламанъ—разбойничій набѣгъ, разбойничья шайка.

²⁾ Байдакъ—знамя, значекъ, у каждаго болѣе или менѣе значительнаго сардара, начальника шайки, былъ свой отличный знакъ, особаго цвѣта и формы.

³⁾ Татъ-Сардаръ или Екремъ-Сардаръ—былъ одинъ изъ главныхъ защитниковъ Геокъ-Тепе.

⁴⁾ Аксакалъ—бѣлобородый, т. е. старикъ—титულъ, даваемый почетнымъ старикамъ аула.

одно, говорить, вы ихъ и не развьючивайте, такъ съ кибитками и оставьте. Мигнулъ это своимъ, тѣ вскочили да мултуки на насъ и нацѣлили. Поняли мы тутъ, въ чемъ дѣло! Вой, крики поднялись по лагерю. Бабы и дѣти плачутъ, мужчины ругаются, а подѣлать ничего не могутъ. Просили его и старшины, и аксакалы, и бабы, чтобы смилостивился надъ нами. Счастливы вы, отвѣчаетъ, что я васъ всѣхъ не перебилъ, а бабъ въ плѣнъ не увелъ. Идите! Перебралъ всѣ вещи, что понадобилось, что получше было, забралъ себѣ; скотъ весь взялъ; оставилъ только по одному верблюду на пять семействъ, лошадей, да бурдюки съ водой, чтобы въ дорогѣ не сложи. Нагрузилъ верблюдовъ да и погналъ въ Ахалъ, а мы чуть не голые въ Пештакъ пришли, и что тутъ было...

И рассказчикъ, понурившись, махнулъ рукой и замолчалъ. Молчали и остальные. Я былъ въ полномъ недоумѣннн отъ этого страннаго разсказа и нетерпѣливо спросилъ Муррюка.

— Послушай, какъ же это такъ? Вѣдь, ты говоришь, что васъ было больше тысячи кибитокъ? Оружіе же у васъ было? Отчего же вы не сопротивлялись, отчего сами не помѣшали ему? Васъ же больше было, чѣмъ у него шайка? Отчего же вы не заступились?..

— Противъ кого же это? Противъ Эвезъ-Кули-Сардара-то?.. Да развѣ можно было съ нимъ тягаться?—грустно усмѣхнулся Муррюкъ, — когда его самъ Чарджуйскій Бекъ боялся, когда у Мешедскаго хана лихорадка дѣлалась, какъ только онъ услышитъ имя Сардара? У насъ было человекъ пятьдесятъ изъ молодежи и не захотѣли даромъ отдавать свое добро, за мултуки было взялись,—такъ что же? Текинцы мигомъ, какъ барановъ, ихъ прирѣзали, а бабъ и дѣтей съ собою въ Ахалъ увели. Что же лучше что ли сдѣлали? Нѣтъ, надо было все добровольно отдавать, а то онъ насъ всѣхъ бы перерѣзалъ.

Подивился я такому престижу моего помощника, хотѣлъ было спросить, но утвердительные возгласы и фразы стариковъ, подтверждающіе мнѣнія Муррюка, да поданный въ это время пловъ прекратили разговоръ.

Покончивши съ угощеніемъ и поблагодаривъ хозяина, я вышелъ на улицу и направился въ отдѣленіе Ювъ-Баши. Когда я остался одинъ со своимъ конвоемъ, то за рѣшеніемъ вопроса, какъ относятся остальные туркмены къ плащу Магомета, я обратился къ моему Мирзѣ-Ато-Мураду. Онъ хотя тоже былъ али-элинецъ, но изъ другого аула, а потому долженъ былъ относиться къ дѣлу болѣе индифферентно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ безусловно умный, разсудительный туркмень, хорошо образованный, какъ мусульманинъ, и притомъ, долго служа около русскихъ, былъ чуждъ многихъ предразсудковъ своихъ соотечественниковъ. Въ свободное отъ занятій время онъ учился русскому языку и съ моего разрѣшенія посѣщалъ недавно открывшуюся школу, гдѣ рядомъ со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ и изучалъ русскую грамоту.

— Ну, Мирза!—обратился я къ нему порусски,—а ты какъ думаешь: настоящій это плащъ или нѣтъ?

Онъ засмѣялся и, махнувъ рукою, откровенно отвѣчалъ:

— Вроть, господинъ капитанъ!

— Отчего же ты такъ думаешь?

— Какъ же, господинъ капитанъ, Магометъ Пихамберъ (про-рокъ) когда жилъ? Теперь ми имѣемъ 1311 иль (годъ)... Вонъ давно!.. Какъ могъ сохраниться...

— Положимъ давно, а все-таки...

— Нѣтъ, не мозить... И никогда не вѣриль...

— Развѣ на поклоненіе не приходятъ?

— Кто? Юзъ-Баши терефи (сторона Юзъ-Баши) только?! Больше не приходиль... Спроси Байрамъ, спроси Назаръ-Ишанъ? они знай?.. Не знай...—кивнулъ онъ на джигитовъ, изъ которыхъ первый былъ текинецъ, а второй махтумецъ. На мой вопросъ оба они отвѣтили, что первый разъ и слышать-то о плащѣ Магомета, и изъ нихъ никто на поклоненіе не ходитъ. Такимъ образомъ становилось ясно, что это была чисто мѣстная святыня, принадлежащая только одному племени и неизвѣстная даже другимъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе полную невѣжественность туркменской массы и ея индифферентность къ вопросамъ религіи, изъ полученныхъ мною свѣдѣній нельзя еще было заключить не только о подлинности, но даже и объ исторической давности этой реликвіи. Объ этомъ приходилось узнавать уже на мѣстѣ. Теперь же мое вниманіе привлекъ новый предметъ. Поверхъ плоскихъ крышъ сакель виднѣлись верхушки двухъ столбовъ, украшенныхъ русскими національными орлами. Изъ переулочка направо, по направленію этихъ столбовъ, неслись, шумъ, крики, хохоть.

— Это что такое?—спросилъ я переводчика.

— Качели, господинъ капитанъ.

— Качели?! Кто же тамъ качается?

— Дѣвки, бабы, парни... Тамъ всѣ свадьбы устраиваются,—усмѣхнувшись пояснилъ Шихъ-Мурадъ.

Надо посмотрѣть, рѣшилъ я и, быстро повернувъ за уголъ, вышелъ на площадку, посрединѣ которой стояли два столба съ перекладиной на верху и перекинутой черезъ нее веревкой. Внизу веревка была связана и образовала качели. Однако увидѣть мнѣ ничего не пришлось. Не успѣлъ я выйти изъ-за угла, какъ изъ всей многочисленной толпы дѣвушекъ и парней не осталось никого. Все это со смѣхомъ и шумомъ разсыпалось во всѣ стороны, только мелькнули въ переулкахъ, закоулкахъ да на заборахъ красные платки, рубахи, халаты да голыя пятки. Ни окрики, ни увѣщеванія джигитовъ не помогли,—молодежь исчезла съ быстротой молніи и возвращаться не хотѣла, хотя кое-гдѣ за заборомъ слышался сдержанный смѣхъ, и въ многочисленныя отвѣстія виднѣлись любопытные глаза.

— Экая досада!—вырвалось у меня, когда я уходилъ отъ качелей. Заботливый, предупредительный Шихъ-Мурадъ скоро постарался вознаграждать меня въ моей неудачѣ. Пройдя нѣсколько переулковъ, онъ тронулъ меня за рукавъ и, указывая на другіе столбы съ флагами, прошепталъ:

— Пойдемъ туда! только осторожнѣе, чтобы насъ не замѣтили.

Онъ выслалъ впередъ джигитовъ, и, спрячась за ними, я вышелъ на площадку и остановился такъ, чтобы меня не замѣтили съ нея. Прямо передо мною у забора сакли сидѣли 15—20 туркменскихъ дѣвушекъ отъ 8 до 16-17 лѣтъ. Двѣ изъ нихъ, довольно миловидныя, стоя одна противъ другой на веревкѣ, высоко взлетали на весьма непрочныхъ качеляхъ. Невдалекѣ отъ дѣвушекъ, сидя на корточкахъ, размѣстились пять или шесть молодыхъ, замужнихъ женщинъ. Ихъ сразу можно было различить по костюму отъ дѣвушекъ. Вторыя изъ нихъ одѣваются только въ темно-красныя, шелковыя, узкія рубашки, до пять рельефно выдѣляющія, по большей части, стройныя и красивыя линіи молодого тѣла, густые, черные волосы заплетены въ длинныя косы съ серебряными бубенчиками и монетами на концахъ; головы покрыты небольшими тюбетейками съ серебрянымъ украшеніемъ на темени; лицо открыто. Костюмъ замужнихъ женщинъ нѣсколько сложнѣе; рубашки у многихъ подпоясаны широкими, нѣсколько разъ охватывающими тѣло, шерстяными кушаками съ длинными концами на лѣвомъ боку; волосы старательно спрятаны подъ красными шелковыми платками, концы которыхъ закрываютъ нижнюю часть лица до носа; поверхъ платковъ надѣты однимъ рукавомъ суконные халаты. У болѣе богатыхъ дѣвушекъ и женщинъ грудь украшена большими серебряными монетами изъ персидскихъ монетъ; на рукахъ у женщинъ надѣты массивныя серебряныя же браслеты и кольца съ сердоликами.

Если между дѣвушками были по большей части хорошенькія личики съ бойкими, черными глазками, съ румянцемъ молодости и свѣжести на смуглыхъ щечкахъ, то между женщинами не было ни одной не только красивой, но даже миловидной. Худыя, блѣдныя, изнуренныя, онѣ всѣ носили слѣды непомѣрнаго труда, мелочныхъ будничныхъ заботъ и преждевременной старости.

Частью на заборахъ, частью прямо на землѣ, расположились нѣсколько человекъ юношей и подростковъ. Всѣ они были одѣты въ новыя шелковыя халаты и новыя папахи. Казалось съ перваго взгляда, что между ними и женщинами ничего не было общаго. Тѣ и другіе разговаривали, смѣялись, шутили, не обращая, кажется, никакого вниманія другъ на друга. Только пристально взглянувъ, я успѣлъ уловить мимическій телеграфъ, который, будучи, конечно, всѣмъ замѣтенъ, работалъ все-таки якобы по секрету. Вотъ, видимо сговорившись, исчезла съ площадки одна парочка. Сперва, притворившись, что ему скучно, ушелъ парень, и тотчасъ же за нимъ,—ни

чтоже сумняшася,—перескочила черезъ заборъ одна изъ дѣвушекъ.

Одна изъ замужнихъ женщинъ, лѣниво вставши, поправила халатъ, медленно повернулась и, едва-едва двигаясь, скрылась за угломъ. Я однако успѣлъ подглядѣть, какъ, выйдя съ площадки, она сразу прибавила шагу и направилась въ ту сторону, куда слѣдомъ за ней ушелъ и одинъ изъ парней. Посмотрѣвши нѣсколько минутъ на скромное, совершенно непаздничное, веселье туркменской молодежи, я повернулся и пошелъ къ Пиръ-Назару-Юзъ-Баши, куда сейчасъ же побѣжалъ одинъ изъ джигитовъ, житель этого отдѣленія. Подходя къ высокому, этажа въ два, дому старшины, я невольно удивился, что меня никто не встрѣчаетъ. Выскочившій со двора джигитъ Нуроу доложилъ, черезъ переводчика, что Пиръ-Назаръ и его гости совершаютъ полудневный намазъ,—было ровно двѣнадцать часовъ. Раздумывая, входить или нѣтъ во дворъ, я остановился передъ домою Юзъ-Баши, который по своей величинѣ, какъ я уже сказалъ, этажа въ два нашихъ, по нѣкоторымъ попыткамъ архитектора украсить его фронтонъ, казался дворцомъ передъ низкими, грязными саклями, окружающими его. Весь передній фасадъ, выходящій на чистую, большую площадь, украшали стрѣльчатые, въ величину обыкновеннаго окна, ниши съ аляповатыми орнаментами. Такія же украшенія въ мавританскомъ стилѣ тянулись по двумъ,—нижнему и верхнему,—карнизамъ. Надъ широкой, высокой, тоже стрѣльчатой дверью, съ буквыми солидными филенками, сплошь покрытыми тонкой, ажурной рѣзбой, виднѣлась плохо сдѣланная изъ глины надпись: «Висемиль'-лахи аль-рахмани'-ль рахимъ» (во имя Бога милостиваго и милосерднаго). Вообще весь домъ былъ явленіемъ среди туркменъ исключительнымъ, и постройка его могла быть доступна только такой зажиточной семьѣ, какой была фамилія Юзъ-Баши, наслѣдственныхъ старшинъ этого отдѣленія племени Али-Эли.

Не желая ждать на солнцѣ, я вошелъ черезъ небольшой коридорчикъ на широкій дворъ съ прудомъ посрединѣ, съ цѣлымъ лѣскомъ розовыхъ кустовъ, стоящихъ въ цвѣту, у одной изъ стѣнъ, съ двумя старыми, развѣсистыми ивами въ углу. Въ тѣни одной изъ нихъ, на коврѣ, снявши кауши (туфли), обратившись на юго-востокъ, по направленію къ Меккѣ, стояли на колѣняхъ всѣ старики отдѣленія со старшиной и муллою во главѣ и ритмически важно продѣлывали всѣ рака'аты намаза¹). Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, видѣли меня, но никто не обернулся, никто не прервалъ молитвы. Совершивши послѣдній рака'атъ, они молча встали, оправившись, надѣли кауши, и только тогда красивый, громаднаго роста, плечистый Пиръ-Назаръ съ привѣтливою, симпатичною улыбкой на сво-

¹) Рака'атъ—тѣлодвиженіе, предписываемыя Кораномъ во время намаза—молитвы.

емъ умномъ, честномъ, энергичномъ лицѣ подошелъ ко мнѣ, поблагодарилъ за поздравленіе и посѣщеніе, посадилъ на заранѣе приготовленное мѣсто и отправился распоряжаться по хозяйству. Поздоровавшись со всѣми стариками, я прямо обратился къ рядомъ со мною сидящему Джафаръ-Ходжа съ просьбой показать мнѣ плащъ Магомета. Высокій, худой, степенный и важный, всѣми уважаемый Ходжа медленно оглянулъ спокойными, задумчивыми глазами всѣхъ стариковъ и подумавъ, послѣ небольшой паузы, отчетливо произнесъ:

— Если ты хочешь посмотреть, господинъ,—изволь, онъ только разъ въ годъ и показывается въ «Курбанъ-Байрамъ». — Не спѣша обернулся онъ и полушопотомъ отдалъ приказаніе стоящимъ сзади молодымъ парнямъ, которые быстро вышли въ ворота. Воцарилось томительное молчаніе. Присутствующіе, опустивъ глаза, приняли тотъ сосредоточенный торжественный видъ, который является у людей, готовящихся къ принятію или лицезрѣнію чего либо глубоко религіознаго и дорогого для нихъ. Эта торжественность повліяла и на мою молодежь—джигитовъ, которые молча и серьезно стояли сзади меня. Я взглянулъ на Ата-Мурада; желая угодить старикамъ, онъ сидѣлъ, потупивъ глаза, и только чуть замѣтная саркастическая улыбка кривила его тонкія губы. Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія двое изъ ушедшихъ парней внесли длинный, русскаго издѣлія, деревянный зеленый сундукъ, обитый въ клѣтку желѣзными полосами, и опустили его передъ Джафаръ-Ходжа. Легкій вздохъ пронесся среди присутствующихъ: они оправились и съ любопытствомъ и благоговѣніемъ подвинулись къ серединѣ, гдѣ стоялъ сундукъ. Ходжа медленно вынулъ ключъ, со звономъ повернулъ его въ замкъ, но раньше, чѣмъ открыть крышку, совершилъ первый рака'атъ; его примѣру послѣдовали и всѣ старики. Съ полнымъ почтеніемъ вынулъ онъ изъ сундука четыре палки. Не желая прикосновеніемъ руки невѣрнаго осквернять ихъ святыню, я могъ только разсматривать ихъ. Длинною около двухъ аршинъ онѣ мнѣ показались сдѣланными изъ бамбука; каждая изъ нихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ была перевита тонкой мѣдной проволокой, а на одномъ концѣ онѣ были украшены простыми мѣдными же набалдашниками. Покамѣстъ я разсматривалъ эти трости, видимо, что онѣ исполняли когда-то такое назначеніе, недоумѣвая, кому онѣ раньше могли принадлежать, Джафаръ-Ходжа вынулъ довольно объемистый мягкій узелъ, завернутый въ бѣлый, шелковый платокъ и медленно началъ его развязывать. За первымъ платкомъ оказался второй, третій и т. д. Всего я насчиталъ тридцать шесть шелковыхъ, совершенно новыхъ, очень хорошаго качества платковъ всевозможныхъ цвѣтовъ, рисунковъ и производства. Здѣсь были и персидскіе, и бухарскіе, и самаркандскіе и даже одинъ или два русскіхъ платка. Наконецъ развернуть и послѣдній изъ нихъ, и присутствующимъ показать плащъ пророка Магомета. Это былъ, какъ я могъ заключить, опять таки

на глазъ—стеганный на ватѣ, весьма и весьма древній, шелковый (матерія была весьма высокаго качества) халатъ или что-то въ родѣ него, — цвѣта кремъ. Сложенный въ нѣсколько разъ, онъ долженъ былъ быть весьма большимъ и, вѣроятно, пришелся бы впору человѣку роста выше средняго. По виду плащъ производилъ впечатлѣніе, что стоитъ къ нему прикоснуться, чтобы онъ развалился. Если это и не былъ дѣйствительно плащъ Магомета, то во всякомъ случаѣ ему должна была считаться не одна сотня лѣтъ.

Нѣсколько времени всѣ молча и сосредоточенно смотрѣли на эту святыню. Затѣмъ Джафаръ-Ходжа, прочтя про себя молитву, приложился къ нему, поднялся, вытеръ руками бороду и отошелъ въ сторону. За нимъ продѣлали то же самое и всѣ присутствующіе включительно до моихъ джигитовъ и скептика Ата-Мурада. Каждый изъ нихъ клалъ на платокъ около плаща 20, 40 коп., кто-то положилъ даже рубль. Собравши деньги, Джафаръ-Ходжа уложилъ вещи обратно въ сундукъ, заперъ его и приказалъ парнямъ унести. Всѣ какъ-то вздохнули свободнѣе и сбросили съ себя торжественное настроеніе. Вскорѣ подали чай, и я обратился къ Джафаръ-Ходжѣ съ просьбой объяснить мнѣ, какъ къ нему попалъ плащъ, и кому принадлежать трости, находящіяся вмѣстѣ съ нимъ. Медленно-важно началъ Ходжа свой рассказъ.

— Палки эти, господинъ, принадлежать: одна, самая большая, Магомету Пихамберу, а три другія—тѣмъ лицамъ, которымъ ранѣе принадлежалъ плащъ. Его Пихамберъ,—да будетъ благословенно его имя,—еще при жизни своей подарилъ родственнику Султану Веиссъ-Карома; отъ него святой плащъ перешелъ къ Зенги-Баба, а отъ этого къ Карры-Алоу, который былъ родоначальникомъ моего рода. Вотъ ихъ-то три палки и находятся вмѣстѣ съ палкой Пихамбера...

— А кто же такія были эти три лица?—перебилъ я рассказчика.

— Кто былъ Султанъ Веиссъ Карома и Зенги-Баба, я тебѣ сказать не могу, господинъ,—самъ не знаю, а Карры-Алоу былъ туркменъ рода Ходжа, жилъ въ Харезмѣ и умеръ въ 612 г. геджры (1215 г. отъ Р. Хр.); въ то время и Мервъ и вся область были подчинены Хивѣ, а мы, али-элинцы, жили въ Ургенджѣ. Ханомъ былъ тогда Магометъ-Харуншахи и Карры-Алоу былъ его родственникъ. Тогда пришли сюда калмыки (монголы?!) съ ихъ царемъ Хеллаки (Чингизъ-ханъ?!), и его полководцы Чеппи и Суббатай разрушили Мервъ и покорили Харезмъ ¹⁾...

— Какъ же ты, Ходжа, не знаешь, кто были Султанъ Веиссъ и Зенги-Баба?

— Не знаю, господинъ... Мало я ученъ, а только въ книгахъ все это написано.

¹⁾ Разрушеніе Мерва полчищами Чингизъ-хана было не въ 1215, а въ 1220 г. отъ Р. Хр.

— Въ какой же книгѣ это написано, и гдѣ же ее достать можно?
— Книга называется «Седжра», а достать ее можно или въ Бухарѣ или въ Хивѣ...

— А изъ васъ, старики, никто объ этомъ больше не знаетъ?— обратился я къ остальнымъ.

Мнѣ отвѣтили отрицательно и подтвердили слова Ходжа, что объ этомъ можно узнать въ медрессѣ Бухары или Хивы. Тогда я попросилъ Джафара-Ходжа объяснить мнѣ, почему различныя племена у туркменъ пользуются различною степенью уваженія.

— Отъ происхожденія это зависитъ, господинъ,— погладивши бороду, отвѣтилъ Джафаръ-Ходжа:—мы, Ходжа, Махтумы и Али-Эли, происходимъ отъ ближайшаго родственника пророка—отъ Али-Насъ,— племя Ходжа,— въ Турціи называютъ сеидами. Шихи— происходятъ отъ Абубекра; Ата—отъ Османа. Всѣ мы туркмены, господинъ...

— А остальные племена: бахши, сычмазъ и другія,—развѣ они не туркмены?

— Нѣтъ, господинъ,— улыбнулся Ходжа,—они не туркмены. Они теке (текинцы).

— А давно ли Али-Эли и вы, Ходжи, пришли въ область?— полюбопытствовалъ еще я.

При этомъ вопросѣ, не касающемся больше религіи, Джафара-Ходжа замѣнилъ хозяинъ, Пиръ-Назаръ-Юзъ-Баши.

— О капитанъ, мы сюда пришли такъ давно, что наши старики и не запомнятъ. Говорятъ только, что мы недолго тутъ жили сперва и ушли въ Харезмъ, гдѣ оставались до Надыръ-Шаха. Въ 1153 г. геджры (1740 г. отъ Р. Хр.) онъ насъ оттуда увелъ и 12 тысячъ нашихъ всадниковъ поселилъ въ Хивсабадѣ, а остальные жили въ Пештакѣ. Каждый изъ нашихъ принесъ тогда торбу земли изъ Хивы. Видѣлъ, капитанъ, въ Хивсабадѣ курганъ? Онъ изъ этой земли насыпанъ. Изъ воиновъ, которые жили въ немъ, никто ничего не могъ имѣть при себѣ, какъ только жену и лошадь. Дѣти ихъ жили въ Пештакѣ. Пока живъ былъ Надыръ-Шахъ, намъ хорошо жилось, а какъ онъ умеръ, бѣда пришла. Персы грабили, ахальцы грабили... Что намъ дѣлать? Бросили мы все и опять ушли въ Хиву. Тутъ мы жили, пока Ярымъ-Падышахъ не пришелъ, а тогда...

— Знаю, это когда васъ Эвезъ-Кули-Сардаръ ограбилъ? Мнѣ Муррюкъ сейчасъ рассказывалъ,—остановилъ я Пиръ-Назара и задалъ новый вопросъ:—а Пештакъ вы построили, или онъ раньше былъ?

— Раньше, капитанъ! Куда раньше!—махнулъ рукою хозяинъ, тоже видимо недовольный, какъ и остальные, напоминаніемъ о бывшемъ подвигѣ моего помощника.

— Кто же его строилъ? Магометане, гяуры?

— Построилъ его, господинъ, гяуръ Шароу-Шахъ, — вмѣшался въ разговоръ почтенный Сеидъ-Джаранъ, самый зажиточный купецъ аула: — жилъ онъ раньше Магомета Пихамбера, раньше даже Искандера-Ду-Шаха ¹⁾. Вотъ какъ поѣдешь, господинъ, въ Пештакъ, такъ по лѣвую сторону находится евля (могила, мавзолей), тамъ камень большой есть, на немъ вся исторія Шароу-Шахъ-гяура и написана. Только такъ мудрено написано, что никто изъ нашихъ муллъ прочесть не можетъ. Развѣ бухарскій или хивинскій мулла прочтетъ. А тамъ, говорятъ, и годъ обозначенъ, когда Пештакъ построенъ. Мы когда пришли первый разъ туда, такъ уже нашли развалины.

Дальнѣйшіе мои разспросы по этому поводу не дали ничего интереснаго. Поѣвши опять плову, я распрощался со старшинами и пошелъ по другимъ визитамъ. Хотѣлось мнѣ потомъ болѣе подробно разобратъся въ исторіи пресловутаго плаца, да многочисленныя занятія, постороннія обстоятельства помѣшали моимъ намѣреніямъ. Развалины же Хивсабада и Пештака я не разъ осматривалъ и проѣзжалъ черезъ нихъ. Раньше, чѣмъ ихъ описывать, я считаю долгомъ дать хоть приблизительное понятіе, гдѣ онѣ находятся. Станція Каахка Закаспійской желѣзной дороги лежитъ въ 500 слишкомъ верстахъ отъ Узунъ-Ада, начальнаго пункта желѣзной дороги, на берегу Каспійскаго моря... Отъ Асхабада, областного города, до Каахки 120 верстъ, а отъ Мерва 160. Хивсабадъ расположенъ отъ нея на югъ въ 12-ти верстахъ, въ серединѣ ущелья горъ Капетъ-Дага, на дорогѣ, ведущей изъ области въ Мешедъ. Построенъ онъ въ 1740 г. Надыръ-Шахомъ и представляетъ въ настоящее время длинный прямоугольникъ съ высокими глинобитными стѣнами, съ выступными башнями; внутри онъ поражаетъ правильной распланировкой на улицы и кварталы. По его узенькимъ улочкамъ хорошо сохранились остатки глинобитныхъ сакель, въ каждой изъ которыхъ дѣйствительно могли помѣститься только воинъ, его жена и лошадь. Середину Хивсабада занимаютъ развалины дворца и бань, а въ одномъ изъ угловъ, ниже уровня земли, находятся какія-то развалины, которыя туркмены называютъ бывшей тюрьмой. Всѣ эти послѣднія три постройки жженого кирпича, весьма красиваго, восточнаго стиля. Съ трехъ сторонъ Хивсабадъ омывается рѣчкой Лайнъ-су. Въ сѣверо-восточномъ углу находится высокій, по всѣмъ вѣроятіямъ, искусственный холмъ.

Абивердъ, Бавардъ или Пештакъ, какъ называютъ его туркмены, и какъ онъ именуется на картахъ, лежитъ отъ Каахка на западъ верстахъ въ шести. Онъ представляетъ изъ себя рядъ развалинъ, которыя тянутся съ сѣвера на югъ верстъ на 10 или 15.

¹⁾ Искандеръ-Ду-Шахъ — Александръ Двурогій; такъ туркмены и персы называютъ Александра Македонскаго.

Самыя сѣверныя изъ нихъ, обыкновенная туркменская кала (крѣпость) съ глинобитными саклями, безусловно новѣйшей постройки. Въ срединѣ ея расположенъ холмъ съ остатками каменной стѣны и башни на верху, съ глубокимъ ровомъ внизу. Весь онъ заваленъ кирпичемъ и глазированными осколками. Недалеко отъ него находится гробница, на которой, по словамъ Сеидъ-Джафара, написана вся исторія возникновенія Абиверда. Въ 1896 г. надпись эта была прочтена профессоромъ В. А. Жуковскимъ, но, кажется, ничего подобнаго рассказамъ туркменъ въ ней не оказалось. По виду это обыкновенная восточная надпись. Къ югу отъ этихъ первыхъ развалень,—собственно и называющихся у туземцевъ Пештакомъ,—отдѣляясь отъ нихъ только полотномъ дороги, расположенъ Намазгяръ (кладбище), большой неправильной формы холмъ, по моему мнѣнію, искусственнаго происхожденія, такъ какъ вся его поверхность покрыта осколками кирпичей, глиняныхъ сосудовъ и т. п. Послѣ сильныхъ дождей на скатахъ находятъ мѣдныя и золотыя монеты. Изъ всѣхъ тѣхъ, что были принесены мнѣ туркменами, ни одна не была древняго происхожденія: большинство изъ нихъ или персидскія или бухарскія. Къ главному холму прилегаютъ съ запада нѣсколько меньшихъ, отдѣляющихся другъ отъ друга глубокими ямами и канавами. Всѣ они вмѣстѣ занимаютъ около $\frac{1}{2}$ версты въ ширину и съ версту въ длину. Къ югу отъ Намазгяра, на которомъ находится теперь туркменское кладбище, расположены двѣ текинскихъ калы, тоже новѣйшей постройки: старый и новый Бардъ.

Какъ мнѣ кажется, Намазгяръ и Пештакъ должны представлять изъ себя Абъ-и-Верда древнихъ, о которыхъ упоминаютъ многіе арабскіе писатели при своихъ описаніяхъ Мерва и Хоросана, и о которыхъ говорятъ Плиніи и Исидоръ, какъ о городѣ, стоящемъ на р. Эпардусѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, нынѣшней Лоинъ-Су, воды которой и теперь доходятъ до самаго Пештака. Во всякомъ случаѣ всѣ эти мѣста когда-то принадлежали древней Персіи, составляли ея сатрапіи, и тутъ же было могущественное Парейанское царство, такъ что преданіе туркменъ о Шароу-Шахъ-гяурѣ должно имѣть свое основаніе.

Впрочемъ, я не историкъ и не археологъ, а потому и отказываюсь дѣлать какія бы то ни было предположенія; я передалъ только то, что видѣлъ, когда служилъ въ Атекѣ и что слышалъ отъ туркменъ въ праздникъ Курбанъ-Байрама 1311 г. геджры.

М. Дандевиль.